

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-58
EDN: QFNXUO

**Рецепция образа Екатерины II: роман А. Б. Мариенгофа «Екатерина»
в историко-литературном контексте первой половины XX века**

Дарья Дмитриевна Якушева

Младший научный сотрудник отдела русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Аннотация. Главным объектом исследования стала журнальная публикация романа А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в «Литературном современнике». Мы впервые обратились к сравнению с оригинальным текстом, напечатанным по второй машинописной копии. Публикуемые материалы представляют собой один из этапов подготовки полного свода вариантов произведения. История публикации романа насчитывает всего четыре печатных издания. Так, впервые читатель смог ознакомиться с полным вариантом текста лишь в 1994 году, когда писателя уже давно не было в живых. Первая публикация пришла на непростые как для Мариенгофа, так и для страны 1930-е годы: тогда в журнале «Литературный современник» появляется роман о становлении и царствовании Екатерины Великой. Однако ему не суждено было предстать перед читателем в полном объеме по воле редакции. Для исследователей как XVIII, так и XX вв. кажется удивительным факт появления подобного текста в советской печати, посвященного фигуре, откровенно не импонирующей тогдашней власти. Среди исторических героев, вокруг которых выстраивалась едва ли не идеология, были Иван Грозный и Петр I, политика Екатерины II преимущественно подвергалась критике, а ее культурно-просветительская деятельность осталась на периферии историографии того времени, не представляя особого интереса. Настоящая статья представляет собой текстологическое исследование первой публикации романа Мариенгофа в «Литературном современнике». В ходе сравнения журнального текста с машинописной копией были установлены существенные расхождения, обусловленные цензурно-идеологическими, а также чисто эстетическими соображениями. Приведенные в статье текстологические находки значительно расширяют творческую историю произведения.

Ключевые слова: А. Б. Мариенгоф; Екатерина II; «Литературный современник»; текстология; исторический роман; цензура; автоцензура

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Для цитирования: Якушева Д. Д. Рецепция образа Екатерины II: роман А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в историко-литературном контексте первой половины XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 58–66. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-58>. <https://elibrary.ru/QFNXUO>

Original article

**Reception of Catherine the Great's image: A. B. Mariengof's novel «Catherine»
in the historic-literary context of the first half of the XX century**

Daria D. Yakusheva

Junior researcher, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya str. 25a.
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Abstract. The main object of the study was the publication of A. B. Mariengof's novel Catherine in the magazine Literaturny Sovremennik (The Literary Contemporary). The author first turned to comparison with the original text published from the second typewritten copy. The materials published represent one stage in preparing a complete set of the work's variants. The novel has a publication history of only four printed editions. For the first time the reader could read the full version of the text only in 1994, when the writer was no longer alive. The first publication happened in the 1930s, a difficult time both for Mariengof and for the country: then the magazine The Literary Contemporary published

a novel about the rise and reign of Catherine the Great. However, it was not presented to the reader in its full form by the editors. For the scholars of both the XVIII and XX centuries, it seemed surprising that such a text could appear in the Soviet press, the text devoted to a figure openly detested by the authorities of the time. Among the historical heroes who were ideologically useful for the authorities were Ivan the Terrible and Peter the Great, while the policy of Catherine the Great was mainly criticized, and her cultural and educational activities remained on the periphery of historiography of the time, not being of special interest. The present article is a textual study of the first publication of Mariengof's novel in *The Literary Contemporary*. The comparison of the magazine text with the typewritten copy revealed significant discrepancies due to censorship-ideological as well as purely aesthetic considerations. The textual findings presented in the article expand the creative history of the work considerably.

Key words: Mariengof, Catherine the Great, *Literaturny Sovremennik* (*The Literary Contemporary*), textual criticism, historical novel, censorship, auto censorship

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

For citation: Yakusheva D. D. Reception of Catherine the Great's image: A. B. Mariengof's novel «Catherine» in the historic-literary context of the first half of the XX century. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):58–66. (*In Russ.*). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-58>. <https://elibrary.ru/QFNXUO>

Введение

Творческое наследие Анатолия Борисовича Мариенгофа, которого исследователи называют «русским Оскаром Уайльдом» [Хуттунен, 2006], отличается разнообразием сюжетов и жанровых форм. Свой путь он начал со стихотворений-«имажов», в которых раскрывались программные принципы имажинизма, такие как эпатажность, индивидуализация, изобилие образности и неожиданных метафор (например, особой частотностью отличается метафора родов). За лирической частью следуют автобиографические произведения, такие как «Роман без вранья» (1927), «Это вам, потомки!» (конец 1950-х гг.), «Записки сорокалетнего мужчины» (1937), лирические поэмы, более десятка пьес и др. Из всего многообразия текстов, созданных писателем, наше внимание привлёк исторический роман, посвященный императрице Екатерине Великой, который и стал предметом настоящего исследования.

Роман «Екатерина», написанный во второй половине 1930-х годов, представляет особый интерес как для исследователей первой половины XX века, так и для специалистов по русской литературе эпохи Просвещения. Факт обращения Мариенгофа к этому историческому пласту и центральной фигуре второй половины XVIII века кажется явлением уникальным и требующим тщательного историко-литературного анализа (хотя стоит сказать, что в 1920–1930 гг. исторические романы были крайне популярны; можно вспомнить такие произведения, как «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Державин» В. Ф. Ходасевича, «Пушкин в жизни» В. Вересаева и др.). В первую очередь это связано с тем, что за всю советскую эпоху не было издано ни одной биогра-

фии Екатерины Великой. Фокус внимания историографии этого периода был направлен на другие сюжеты. Так, много писалось о Н. И. Новикове [Макогоненко, 1951; Светлов, 1946; Западков, 1968], А. Н. Радищеве [Макогоненко, 1949; Бабкин, 1952; Благой, 1953; Плимак, 1966], Я. Б. Княжнине [Кулакова, 1947]. Особый интерес представляло разоблачение «лживого либерализма» Екатерины II, сменившегося после Пугачевского восстания так называемым «полицейским режимом»; в императрице видели «душителя свобод», который преследовал «просветителей», отважных борцов (к которым относили Новикова и Радищева). Как отмечает А. Б. Каменский в предисловии к книге Исабель де Мадариаги «Россия в эпоху Екатерины Второй», в советское время отдельные монографические исследования появлялись, однако выходявшие тогда труды затрагивали отдельные аспекты, которые оценивались историками через призму своего времени, с позиции классовой борьбы. В это время марксизм предлагал изучение развития общества как смены социально-экономических формаций. Кроме того, в том, что традиция изучения этой эпохи оказалась прерванной (или лучше сказать – оставленной на периферии), сыграла также роль тема «женского правления», о которой тогда говорить не хотели: «Однако клеймо „эпохи дворцовых переворотов” и „женского правления” сделало невозможным написание серьезных обобщающих трудов» [Исабель де Мадариага, 2002, с. 7].

Найти художественные произведения, в центре внимания которых находилась бы императрица, кажется непростой задачей – роман Мариенгофа стал исключением из правил. Однако необходимо отметить произведение П. Н. Краснова «Екатерина Великая. 1729–1796», изданное

в 1935 году в Париже. В предисловии автор выражает глубокую симпатию к Екатерине Великой, отмечая, что хотел бы написать больше книг об этой исторической фигуре. Но далее следует важная оговорка: «Мы живем в тяжелое время. Издать и продать восемь томов о Екатерине в нашем жутком изгнанническом плену невозможно. И как это ни тяжело и ни обидно – писателю приходится теперь считаться с условиями книжного рынка» [Краснов, 1935, с. 6].

Если проследить историю публикации «Екатерины», то мы обнаружим, что полный текст был впервые опубликован лишь в 1994 году, в книге «Это вам, потомки! Записки сорокалетнего мужчины. Екатерина» с предисловием Б. В. Аверина «„Циническая” проза Мариенгофа». В 2013 году роман вошел в Собрание сочинений в трех томах со вступительной статьей Т. Хуттунена. Отдельные главы «Екатерины» публиковались в журнале «Литературный современник» в 1936 году (№9-10). Сам же текст романа, включенный в научные издания, печатался по второй машинописной копии, хранящейся в рукописной отделе Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фонде Мариенгофе.

Целью исследования стало сравнение двух текстов: журнальной версии «Екатерины» и первоисточника. Если оригинальное произведение включает в себя тринадцать глав и насчитывает около трехсот страниц, то в «Литературном современнике» была опубликована едва ли половина, с существенными сокращениями, которые и стали предметом текстологического анализа. В настоящий момент нет свода вариантов, который бы позволил детально сопоставить эти два текста, тогда как это является важным этапом в понимании внешних обстоятельств, повлиявших на авторское решение вмещаться в подлинник. Еще Д. С. Лихачев писал, что любые изменения, вносимые самим творцом в свое произведение, «должны внимательно изучаться и не должны механически отбрасываться» [Лихачев, 2006, с. 72]. Поэтому мы считаем эту тему значимой для истории текста.

Основная часть

Один из вопросов, который необходимо осветить в настоящем исследовании, касается репутации писателя как в годы, предшествовавшие публикации романа, так и во время его создания. Интересно, что имя Мариенгофа значится в докладной записке заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП (б) Я. А.

Яковлева на имя Иосифа Сталина, датированной не позднее 3 июля 1922 года, о ситуации в писательской среде. В отдельном пункте этого документа перечисляются политически благонадежные группы, среди которых «имажинисты – Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т. д.» [Власть и художественная интеллигенция, 1999, с. 39].

История взаимоотношений писателя и советской власти неисчерпаема и любопытна: в ней множество взлетов и падений, противоречий и сложных перипетий. В одно время Мариенгоф удачно занимается публицистикой, становится заведующим сценарным отделом «Пролеткино», однако после 1925 года его литературная репутация и востребованность идут на спад. Примерно на это же время приходится постепенное истощение имажинизма как литературного течения, которого начала теснить новая группа конструктивистов: «...на их фоне имажинисты, последние индивидуалисты в литературе русской метрополии, поневоле начинали казаться чем-то мелким, отжившим свое» [Марков, 2017, с. 211]. Заключительным этапом стали четыре номера журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном», которая выходила в свет с 1922 по 1924 гг.

После издания «Романа без вранья» последовало множество недоброжелательных отзывов. Среди рецензентов были, например, Иван Бунин и Владислав Ходасевич, опубликовавшие отзывы в журнале «Возрождение». Это произведение не устроило современников, как отмечает Олег Демидов, тремя вещами: правдивостью, самолюбованием автора и языком [Демидов, 2019, с. 296-297]. В одном из документов, датированном февралем 1928 г., содержится сводка о нарушениях в печати, приведено несколько фамилий, среди которых – Мариенгоф: «После Злых заметок Бухарина и различных сборников против богемы и богемствующих печатание последующим изданием книг, идеализирующих богему, более, чем опрометчиво» [Цензура в Советском Союзе, 2004, с. 141].

Кроме того, загадочными остаются события 1929 года, связанные с так называемым «Делом Пильняка и Замятина», в которые был втянут и сам Мариенгоф. Основанием для этого стал роман «Диники», запрещенный в СССР, за который писателю пришлось писать «объяснительную» во Всероссийский Союз Советских Писателей.

Тем не менее Мариенгоф не оставлял попыток подстроиться под запросы Родины, в которой

решил остаться, хотя возможность примкнуть к эмигрантской литературной среде у него, как известно, была. Писатель был трижды за границей: в 1924, 1925 и 1927 годах, посетив сначала Берлин, затем Париж и Австрию. С первой поездкой писателю помог А. В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР. Цель путешествия тесно переплетена с переживаниями Мариенгофа о своей судьбе: «Мариенгоф, конечно, покидает Страну Советов с явной целью присмотреться к Европе на предмет своего будущего. Революция революцией, но к 1925 году в стране уже начинает не хватать кислорода» [Демидов, 2019, с. 258].

Одно время Мариенгоф посвящает себя детской литературе, стараясь создавать такие произведения, которые бы отвечали требованиям идеологической пропаганды. В первую очередь для нее были актуальны «темы революции и Красной армии, героики борьбы с врагами советской власти, темы интернационального единства, коллективного труда» [Демидов, 2019, с. 327]. Однако это не становится делом всей его жизни, и писатель продолжает экспериментировать с жанрами, чтобы вернуться в большую литературу. Так он приходит к задумке написать исторический роман, посвященный жизни и царствованию Екатерины Второй.

Еще один исследовательский вопрос, который мы поставили перед собой, звучит так: где и когда впервые Мариенгофом была упомянута Екатерина Великая, есть ли какие-нибудь свидетельства, которые бы стали отправной точкой для анализа зарождающегося интереса писателя к этой исторической личности? Ответить на него пока представляется затруднительным, однако нам удалось найти редкие упоминания имени императрицы. В четвертом номере журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном», в разделе «Современные размышления» можно найти пункт под названием «Историческая справка»: «В разные эпохи поэты по-разному выдумывали читателя, зачастую очень искусственно. Вольнодумца Вольтера читали только коронованные особы. (Екатерина читала, чтоб создать себе славу просвещенной читательницы)» [Гостиница для путешественников в прекрасном, 1924, №4, с. 3]. С точностью определить, действительно ли эти слова принадлежат Мариенгофу, мы не можем, поскольку внизу стоят два имени: Анатолий Мариенгоф и Вадим Шершеневич. В 1950-ых годах Екатерина мельком упоминается в небольшом драматическом

произведении «В машине пять мест» из цикла «Маленькие комедии»: «Тебе, мамочка, необходимо отдохнуть, отвлечься. Для этого лучшее средство – физическая работа... Вот Екатерина Вторая вышивала незабудки на салфеточках; Лев Толстой тачал сапоги» [Мариенгоф, 2013, с. 489]. В период, предшествующий созданию романа, найти какие-либо отсылки к этой исторической фигуре (в письмах к друзьям или жене; в очерках и статьях) оказалось затруднительным, однако, безусловно, обращение именно к этой теме напрямую связано с интересом Мариенгофа к эпохе Петра I и дворцовых переворотов. Вспомним, например, такие произведения, как «Заговор дураков» (1922), «Совершенная Виктория» (1943), «Актер со шпагой» (1944) и др.

Во всех комментариях к роману «Екатерина», входящих в научные издания, публикующие этот текст в полном объеме, содержится важное для нас замечание: «Несколько глав романа были опубликованы в журнале „Литературный современник“ (1936, №9-10); их текст значительно отличается от хранящегося в архиве варианта и в настоящем издании не учитывается» [Мариенгоф, 1994, с. 449]. Закономерно вывести следующий вопрос: какие именно изменения были внесены писателем в журнальную публикацию и чем это было мотивировано? Мы постараемся по возможности исчерпывающе ответить на него, используя материал, полученный в ходе сравнения архивного варианта с текстом, представленном на суд читателю в «Литературном современнике» в 1936 году.

Изменения, вносимые Мариенгофом в журнальную публикацию, условно можно разделить на два вида. Первый связан с намеренным изъятием фрагментов текста (глав и параграфов внутри них). Это происходит вследствие как сугубо художественной переработки, так и по причине адаптации к современному политическому мнению, задающему определенные стереотипы восприятия ряда актуальных тем (в том числе касающихся эпохи и личностей, изображенных в романе). Как мы в дальнейшем увидим, писателю приходится в ряде случаев изымать главное оружие имажинистов – эпатажность и «откровенность» слова, способствующие созданию уникальных образов. В этом случае можно говорить о создании «нового» художественного текста, отвечающего идеологическим требованиям господствующей культуры. Проблема цензуры является важным исследовательским аспектом текстологии, на которой сделан особый акцент в

настоящей статье. Историки литературы, анализируя цензурные искажения, отмечают: «Под цензурным давлением писатель перерабатывает тот или иной участок текста, и делает его необратимым» [Гришунин, 1998, с. 151].

Второй вид можно условно назвать «правка-сокращение»: это случаи, когда Мариенгоф сокращает объем предложения (в большинстве случаев это сокращение придаточной части), а также изменяет стилистическую окраску слов. Объем настоящей работы не позволяет привести все случаи авторского вмешательства в текст: это задача нашего будущего исследования. Обратимся для начала к немногочисленным примерам, иллюстрирующим второй вид редакторских правок, которые связаны с переработкой отдельных слов / словосочетаний.

«Король был человек беседы. Он *струил и струил* о комедиях, балетах, о маскарадах» [Мариенгоф, 1994, с. 225] / «Король был человек беседы. Он *говорил и говорил* о комедиях, балетах, о маскарадах» [Литературный современник, 1936, №9, с. 66];

Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговаривая со мной, будет смотреть *на мамин зад. У императрицы зад гораздо шире, чем у мамы, раза в два*» [Мариенгоф, 1994, с. 239] / «Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговаривая со мной, *будет смотреть на мамины плечи. А ведь императрица гораздо жирнее, чем мама*» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 69];

«А тот *поерзал* негустой бровью» [Мариенгоф, 1994 с. 256] / «Шувалов *дернул* бровью» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 76];

«...но чтоб *перепылинить* их» [Мариенгоф, 1994, с. 290] / «...но чтоб *превзойти* их» [Литературный современник, 1936, № 10, с. 95];

«–Да, *дерьмо* – согласился скучный князь» [Мариенгоф, 1994, с. 321] / «–Да, *это правильно* – согласился скучный князь» [Литературный современник, 1936, № 10, с. 106];

Вице-канцлер рассуждал *лпучими* староманерными фразами» [Мариенгоф, 1994, с. 258] / «Вице-канцлер рассуждал староманерными фразами» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 77].

Мы видим, как в некоторых примерах слова со сниженной стилистической окраской меняются на нейтральные (мамин зад / мамины плечи; дерьмо / правильно), что было сделано, видимо,

из этических соображений. Также возможна и правка со стороны редакторского отдела журнала, однако доподлинно нам неизвестно, как с ним взаимодействовал Мариенгоф. На данный момент мы располагаем письмом писателя к жене, в котором говорится про отказ «Литературного современника» продолжить печатать роман и частично пересказан разговор с В. Н. Орловым, заведующим критическим отделом журнала: «Он сказал, что у меня в 7-й главе чуть ли не поклеп на историю. „Екатерина уж слишком отвратительно на брюхе ползет к власти“. Словом, пожалел императрицу. А мне брехал, что „писано как будто с дворянской точки зрения“ и еще какую-то чушь! Короче говоря, празднует трус» [Демидов, 2019, с. 426]. Вероятнее всего, редакторское влияние все же было оказано на текст романа.

По мнению большинства исследователей [Добренко, 1997; Блюм, 2000; Горяева, 2010], институт цензуры в Советском Союзе приобрел статус всеобъемлющего органа, регулирующего всю печатную продукцию. Один из самых непростых для анализа процессов связан именно с автоцензурой, порождающей ряд проблем: «Сложность проблемы заключается в том, что цензура соединялась с автоцензурой, а редакторская правка не всегда согласовывалась с автором» [Спиридонова, 2019, с. 133]. По этой причине текстологу иногда затруднительно провести черту между правками, который внес сам писатель, и изменениями, на которых настояла, например, редакция издания, где печатался текст.

Особое внимание следует уделить форме авторского присутствия в тексте, а именно многочисленным лирико-философским отступлениям, которые в журнальной публикации романа опускаются. Они являются внесюжетными элементами композиции, которые необходимы для организации художественного материала. Приведем несколько примеров, отсутствующих в журнальном варианте романа:

«Мы всего-навсего люди. Никто из нас не родятся великим поваром, великим философом или великим притворщиком. Но жизнь относительно милостива. <...> Поговорим об избранниках, потому что эта книга, к сожалению, посвящена им. Итак, мы считаем, например, что избраннику гораздо легче было вырасти в порядочного человека, чем стать порядочным негодяем. Для второго, нам кажется, требовалось затратить несравненно больше усилий, настойчивости и времени. А лю-

бители парадоксов, может быть, добавят: и таланта!» [Мариенгоф, 1994, с. 219–220];

«Женщины и полководцы знают, что самое лучшее, самое верное оружие – несчастное оружие. Потому-то в решительную минуту они и предпочитают им сражаться» [Мариенгоф, 1994, с. 222];

«Глупые люди, как правило, не сомневаются в своем уме. Большею частью они также не сомневаются в том, что друзья и знакомцы их считают за умников. Поэтому-то, не тревожимые сомнениями, они обычно столь разговорчивы в обществе, многословны в письмах и щедрны на сентенции» [Мариенгоф, 1994, с. 223];

«Так мы играем вничью. В жизни, при известном эгоизме, почти всегда можно сыграть вничью. Но, Боже мой, как же существовать деликатному человеку? Зная, что сны рассказывать очень приятно, он никогда не найдет в себе отваги прервать свою жену, своего приятеля, своего сослуживца. Зная также, что внимать рассказываниям тоска неимоверная, он вряд ли решится найти себе слушателя. Каторжная жизнь у деликатного человека. Впрочем, он по всей вероятности получает большое удовольствие от сознания собственной деликатности. Вот и опять ничья» [Мариенгоф, 1994, с. 245–246];

«Может быть, только в детстве глаза видят весну. Поэтому-то, выйдя в юность и еще более того – в средние годы, начинаем мы вдруг удивляться, что и ручьи скучно журчат, и сосульки невесть куда подевались, и апрельское солнце не так светит, как четверть века тому назад» [Мариенгоф, 1994, с. 260].

Общей особенностью авторских отступлений, содержащихся в исходном варианте романа, является повествование от второго лица множественного числа: «мы считаем, например...», «думается нам», «мы настаиваем на том, что...». Важно отметить значимость семантики местоимений в механизме референций, поскольку это позволяет дать коммуникативную характеристику определенной речевой ситуации, а в рамках художественного произведения они становятся маркерами авторской интенции. Так, одно из категориальных значений *мы*, значение совместности и обобщения, служит для усиления авторитета повествователя и универсализации суждения [Шведова, 1999]. Это также становится важным средством коммуникации с читателем [Шмелев, 2002]. Автор, предлагая воображению типичные ситуации и выбирая общезначимые философские проблемы / вопросы, делает его вовлеченным,

наделяет опытом и знаниями, позволяющими обобщать и говорить от лица «группы, сообщества».

Завершающим этапом в нашем исследовании стало выявление исключенных из текста подлинника глав и попытка объяснить возможные причины такой автоцензуры. Лакуны в журнальной публикации можно разделить условно на две категории: с одной стороны, мы видим случаи пропусков целых глав, с другой – некоторых параграфов, довольно небольших по объему (значительным сокращениям подверглись главы 1, 4, 6, 7 и 8).

В журнальной публикации не сохраняются главы №2-3, содержащиеся в оригинальном тексте. Вторая представляет собой небольшой рассказ о рождении Петра III (о его родителях: Карле-Фридрихе Шлезвиг-Голштинском и Анне Петровне), о его детстве и первой встрече с маленькой Фике летом 1739 г. в Эйтине. Каждый получает саркастическое прозвище: Карл Голштинский, например, назван «герцогом-мартышкой», но особо насмешливое описание получил Петр: «Мальчика меньше всего можно было назвать красивым. Он походил на червяка, выброшенного лопатой могильщика на поверхность. Но этот червяк приходился внуком Петру Великому и, по бабке, Карлу XII. Поэтому он очень нравился Фике» [Мариенгоф, 1994, с. 182]. Третья глава повествует об Анне Леопольдовне и том, как Елизавета Петровна «сделалась полковником Преображенского, Семеновского <...>, а также императрицею Всероссийскою» [Мариенгоф, 1994, с. 199]. Упоминается исторический факт: указ от 2 декабря 1742 г. о высылке всех евреев из Малороссии во время царствования Елизаветы Петровны. Приводится также депеша Финча, английского посла, от 21 июня 1741 г.: это открывает тему политических отношений России и Европы, поскольку в ней идет речь о неприятии русских иностранцев. Заканчивается глава рассказом о высылке графа А.И. Остермана и Б.К. Миниха в Сибирь: «И поехали: Остерман в Березов, Миних в Пелым» [Мариенгоф, 1994, с. 207].

Переходя к анализу второй категории пропусков (случаи, когда автор пропускает параграфы внутри глав), мы сделаем акцент на автоцензуре, касающейся непосредственно Екатерины II, чье имя вынесено в заглавие романа. В оригинальном тексте навязчивым мотивом становится описание маленькой Фике, мечтающей с ранних лет о короне. В своих мемуарах императрица дей-

ствительно часто отмечает, что делает все возможное, чтобы взрастить в себе будущую великую правительницу, достойную своего народа. В небольшом плане Екатерины Великой, как следует из ее мемуаров, всего три пункта: «1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу» [Записки императрицы Екатерины Великой, 1907, с. 58]. Примечательно, что Мариенгоф включает эту цитату в роман, но несколько переиначивает ее. К концу четвертой главы автор приводит размышления Фике: «Я должна понравиться прежде всего Елисавете Петровне, потом Петру Федоровичу, моему жениху, потом России» [Мариенгоф, 1994, с. 226].

В седьмом параграфе первой главы рассказывается, как «золотушной девочке снились короны, короны, короны» [Мариенгоф, 1994, с. 173] и как Фике перед сном считала: «Первая за императором Карлом, вторая за русским королем, третья...» [Мариенгоф, 1994, с. 173]. В саркастической манере, свойственной не только этому роману, но в целом прозе Мариенгофа, автор, описывая упражнения будущей императрицы в кадрили, пишет: «Она плакала и танцевала, плакала и танцевала. Но ничего не поделаешь, если хочешь носить корону, надо плакать и танцевать, плакать и танцевать» [Мариенгоф, 1994, с. 176]. В пятой главе, во втором параграфе, приводятся размышления Иоганны-Елисаветы и Фике. Мать императрицы «думала о преображенцах, с расколотыми черепами скатившихся в снег» [Мариенгоф, 1994, с. 234], что отсылает нас к событиям 1741 г., когда в ходе дворцового переворота на престол взошла Елизавета Петровна; Фике же думала о наряде и эффекте, который должно произвести на придворных и народ: «Надо отдать справедливость этой девочке, она в нужную минуту умела сосредоточить свои мысли на самом существенном. Разве не предстояло ей появиться через какой-нибудь час перед взорами императрицы, великого князя и нации?» [Мариенгоф, 1994, с. 234].

Отметим, что одной из главных риторических фигур, которой пользуется Мариенгоф, является, безусловно, ирония, которая служит для «разоблачения» идеализированных образов исторических деятелей. На протяжении всего романа в своей привычной «цинической манере» писатель изображает будущую императрицу (не щадя и Петра III). Достаточно привести ее тревоги по поводу своей внешности: «Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговари-

вая со мной, будет смотреть на мамин зад. <...> Говорят, что Елисавета Петровна съедает за обедом целый косяк буженины, индейскую курицу и лопату пирогов. Я теперь тоже будут съедать лопату пирогов и тогда стану вдвое шире мамы» [Мариенгоф, 1994, с. 239]. В журнальной публикации этот отрывок несколько переработан и сокращен, вероятно, из цензурных соображений: вместо «мамино зад» – «мамины плечи». Отдельного обширного исследования требует тема средств художественной изобразительности, которыми пользуется Мариенгоф при создании главных действующих лиц романа. Отметим, что этой теме кратко коснулся В. А. Сухов в книге «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа» (2007). Синтез всех приемов дает исчерпывающее представление об имагинистском видении сотворения художественной реальности. По этой причине читатель может испытывать в некотором роде смущение от того, насколько «порочными» и «слишком человеческими» изображены герои. Однако это делает роман «живым», как и хотел того автор.

Заключение

Укрепление организационно-управленческой функции напрямую зависело от степени влияния государства на общественное самосознание, которое регулировалось в соответствии с политическим курсом, «который неизбежно вел к деформации духовной жизни общества, ликвидации свободы мнений, политизации и идеологизации всех областей культуры» [Агапова, 2008, с. 124]. Деятельность цензуры в Советском Союзе была направлена на установление ряда табу и норм, в согласии с которыми должны были создаваться художественные произведения, претендующие на публикацию и известность.

В одном из примечаний к тексту документа, фиксирующего имена писателей, чьи произведения по разным причинам объявлялись неудобными власти и запрещенными к печати, о Мариенгофе говорится следующее: «Его произведения (за редким исключением публикаций отрывков в журналах и книги двух пьес, вышедшей в 1958 г.) в доперестроечное время всегда отклонялись цензурой» [Цензура в Советском Союзе, 2004, с. 426]. Это относится и к историческому роману «Екатерина», которое, с одной стороны, все же появилось на страницах журнала, с другой – так же быстро исчезло, не найдя отклика. Роман оставался без своего читателя вплоть до издания полной версии в 1994 году, однако даже тогда не смог добиться широкой известности. За

рубежом, в отличие от родины, он пользовался большей популярностью, был переведен на несколько европейских языков: английский, чешский, французский, немецкий и др. [Демидов, 2019, с. 705].

Тем не менее произведение уникально по многим причинам: от сюжета и жанровой формы до художественных приемов, в которых обнаруживаются новаторские идеи писателя. Как это свойственно для ранних романов Мариенгофа, которые можно определить как «монтажные», «Екатерина» представляет собой симбиоз исторического мира (где фундаментом становятся документальные свидетельства изображаемой эпохи) и вымышленного. Повествовательная техника, как и многие другие аспекты текста, требуют отдельных научных исследований, поскольку это произведение оказалось незаслуженно забытым.

Библиографический список

- Агапова Е. А. Феномен цензуры. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 184 с.
- Бабкин Д. С. Процесс А.Н. Радищева. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. 360 с.
- Благой Д. Д. А.Н. Радищев: Жизнь и творчество. Москва : Знание, 1953. 50 с.
- Блюм А.В. Советская цензура в эпоху террора, 1929–1953 гг. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. 312 с.
- Бунин И. А. Самородки // Возрождение. 1927. №800. 11 августа.
- Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917/1953. Москва : МФД, 1999. 872 с.
- Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. Москва : РОССПЭН, 2010. 407 с.
- Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. Москва : Наследие, 1998. 413 с.
- Грузинов И. Имажинизма основное. М: Имажинисты, 1921. 22 с.
- Демидов О. В. Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов. Москва : АСТ, 2019. 749 с.
- Добренко, Евгений Александрович. Формовка советского читателя : Соц. и эстет. предпосылки рецепции совет. лит. Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. 320 с.
- Западов А. В. Новиков. Москва : Молодая гвардия, 1968. 211 с.
- Записки императрицы Екатерины Второй. Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1907. 772 с.
- Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
- Краснов П. Н. Екатерина Великая. 1729–1796. Париж : К-во В. Сяльского, 1935. 452 с.
- Кулакова Л. И. Яков Борисович Княжнин // История русской литературы. Т. 4. Ч.2. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. С. 227-249.
- Литературный современник. Москва, 1936. № 9–10.
- Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. Москва : Наука, 2006. 175 с.
- Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. Москва : ГИХЛ, 1949. 195 с.
- Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Москва : Ленинград : ГИХЛ, 1951. 544 с.
- Мариенгоф А. Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Москва : Книжный Клуб Книговек, 2013. 818 с.
- Мариенгоф А. Б. Это вам, потомки! Записки сорокалетнего мужчины. Екатерина. Санкт-Петербург : Петро-РИФ, 1994. 461 с.
- Марков В. Ф. Очерк истории русского имажинизма (1919–1927). М: Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 370 с.
- Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. Москва : Наука, 1966. 305 с.
- Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. Москва : Гизлегпром, 1946. 116 с.
- Спиридонова Л. А. Текстология: теория и практика. Москва : ИМЛИ РАН, 2019. 256 с.
- Сухов В. А. Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа. Пенза : ПГПУ, 2007. 192 с.
- Ходасевич В. Ф. Цыганская жизнь // Возрождение. 1927. №751. 23 июня.
- Хуттунен Т. Оскар Уайльд из Пензы // Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи. Тарту, 2006. С. 359–375.
- Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф. Денди. Монтаж. Циники. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. С. 124–125.
- Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы / сост. А. В. Блюм. Москва : РОССПЭН, 2004. 576 с.
- Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва : Азбуковник, 1999. 176 с.
- Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 887 с.

Reference list

- Agarova E. A. Fenomen cenzury = The censorship phenomenon. Rostov-na-Donu : IPO PI JuFU, 2008. 184 s.
- Babkin D. S. Process A. N. Radishheva = A. N. Radishchev's process. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 360 s.
- Blagoj D. D. A. N. Radishhev: Zhizn' i tvorchestvo = A. N. Radishchev: Life and work. Moskva : Znanie, 1953. 50 s.
- Bljum A. V. Sovetskaja cenzura v jepohu terrora, 1929–1953 gg. = Soviet censorship in the age of terror, 1929–1953. Sankt-Peterburg : Akademicheskij projekt, 2000. 312 s.

5. 5Bunin I. A. Samorodki = Talented people // *Vozrozhdenie*. 1927. № 800. 11 avgusta.
6. Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 = Authorities and creative intelligentsia. Documents of the CC of the RCP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953. Moskva : MFD, 1999. 872 s.
7. Gorjaeva T. M. Politicheskaja cenzura v SSSR. 1917–1991 gg. = Political censorship in the USSR. 1917–1991. Moskva : ROSSPJeN, 2010. 407 s.
8. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii = Scientific aspects of textology. Moskva : Nasledie, 1998. 413 s.
9. Gruzinov I. Imazhinizma osnovnoe = The basic imagism. Moskva : Imazhinisty, 1921. 22 s.
10. Demidov O. V. Anatolij Mariengof: pervyj dendi Strany Sovetov = Anatoly Mariengof: the first dandy of the Soviet State. Moskva : AST, 2019. 749 s.
11. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelja : Social'nye i jesteticheskie predposylki recepcii sovetskoj literatury = Forming the Soviet reader: Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 1997. 320 s.
12. Zapadov A. V. Novikov = Novikov. Moskva : Molodaja gvardija, 1968. 211 s.
13. Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj = Notes of Empress Catherine the Great. Sankt-Peterburg : Izdanie A. S. Suvorina, 1907. 772 s.
14. Isabel' de Madariaga. Rossija v jepohu Ekateriny Velikoj = Isabel de Madariaga. Russia in the Age of Catherine the Great. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 976 s.
15. Krasnov P. N. Ekaterina Velikaja. 1729–1796 = Catherine the Great. 1729–1796. Parizh : K-vo V. Sijal'skogo, 1935. 452 s.
16. Kulakova L. I. Jakov Borisovich Knjazhnin = Yakov Borisovich Knyazhnin // *Istorija russkoj literatury*. T. 4. Ch.2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1947. S. 227–249.
17. Literaturnyj sovremennik = The Literary Contemporary. Moskva, 1936. №. 9–10.
18. Lihachev D. S. Tekstologija = Textual studies : kratkij ocherk. Moskva : Nauka, 2006. 175 s.
19. Makogonenko G. P. A. N. Radishhev. Ocherk zhizni i tvorcestva = A. N. Radishchev. An essay on the life and work. Moskva : GIHL, 1949. 195 s.
20. Makogonenko G. P. Nikolaj Novikov i russkoe prosveshhenie XVIII veka = Nikolai Novikov and the Russian enlightenment of the XVIII century. Moskva : Leningrad : GIHL, 1951. 544 s.
21. Mariengof A. B. Sobranie sochinenij = Collected works : V 3 t. T. 1. Moskva : Knizhnyj Klub Knigovek, 2013. 818 s.
22. Mariengof A. B. Jeto vam, potomki! Zapiski sorokaletnego muzhchiny. Ekaterina = This is for you, the descendants! Notes by a 40-year-old man. Catherine. Sankt-Peterburg : Petro-RIF, 1994. 461 s.
23. Markov V. F. Ocherk istorii russkogo imazhinizma (1919–1927) = An essay on the history of Russian imagism. Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2017. 370 s.
24. Plimak E. G. Zapretnaja mysl' obretaet svobodu: 175 let bor'by vokrug idejnogo nasledija Radishheva = Forbidden thought gains freedom: 175 years of struggle over Radishchev's ideological legacy. Moskva : Nauka, 1966. 305 s.
25. Svetlov L. B. Izdatel'skaja dejatel'nost' N. I. Novikova = N.I. Novikov's publishing activity. Moskva : Gizlegprom, 1946. 116 s.
26. Spiridonova L. A. Tekstologija: teorija i praktika = Textual studies: theory and practice. Moskva : IMLI RAN, 2019. 256 s.
27. Suhov V. A. Ocherki o zhizni i tvorcestve Anatolija Mariengofa = Essays on the life and work of Anatoly Mariengof. Penza : PGPU, 2007. 192 s.
28. Hodasevich V. F. Cyganskaja zhizn' = Gypsy life. // *Vozrozhdenie*. 1927. №751. 23 ijunja.
29. Huttunen T. Oskar Uajl'd iz Penzy = Oscar Wilde from Penza // *Vek nyneshnij i vek minuvshij: kul'turnaja refleksija proshedshej jepohi*. Tartu, 2006. S. 359–375.
30. Huttunen T. Imazhinist Mariengof. Dendi. Montazh. Ciniki = Imagist Mariengof. Dandy. Montage. Cynics. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. S. 124–125.
31. Cenzura v Sovetskom Sojuze. 1917–1991. Dokumenty = Censorship in the Soviet Union. 1917–1991. Documents / sost. A. V. Bljum. Moskva : ROSSPJeN, 2004. 576 s.
32. Shvedova N. Ju. Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovyje prostranstva = The pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces opened by them. Moskva : Azbukovnik, 1999. 176 s.
33. Shmelev D. N. Izbrannye trudy po russkomu jazyku = Selected works on the Russian language. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 887 s.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024